

Глава 4.

Счастливое воссоединение, невезучая судьба родителей и итог многоступенчатых умозаключений

Сразу же, как только у Юй Цайлин, изначально притворявшейся, закружилась голова, и она действительно заснула, к ней пришло сновидение. Снился братец-сосед, с которым она в прошлом проживала в одном городе, и сейчас, в ее сне, он имел некое сходство с китайским зонтичным деревом, росшим в саду у бабушки, – оба были одинаково изящные и высокие, а она сама, маленькая, находилась около него и, задрав голову, смотрела ввышину, ощущая в сердце любовь.

С детства у ней была навязчивая мысль – почему мужчина из местных жителей и вступившая в производственную бригаду женщина переплелись с образованной молодежью, направленной в деревню, ведь другие пары смогли полюбить друг друга. Пусть даже они и стали богатыми после проведенной реформы, и их семьи хвалились нравами и примерами своих жен и детей, которые много учились, выплачивали сборы в публичную библиотеку или учреждали в начальной школе стипендию и так далее, а не были похожи на ее отца, успешно ведущего и развивающего собственное предприятие.

В юности, часто лежа на гребне стены, Юй Цайлин смотрела на подобную счастливую семью из трех человек и страстно желала этого себе, завидуя им. Думала, что следует только немного вырасти и сразу же начать неразумно маячить перед сыном их семьи, а в результате же дождалась, что он, возвращаясь домой и ведя за собой подругу, говорил ей с улыбкой, указывая «...эта маленькая сестричка – моя соседка». О горе! Что может быть трагичнее, чем быть отвергнутой хорошим парнем, который не хочет, чтобы ты была его девушкой, и ей осталось только распушить волосы и застрять в общении на уровне старшего брата и младшей сестры.

Рассказывают ещё, что в том же году на театральном факультете, председатель общества Сяньюй втайне прокололся, говоря, что имел на нее собственные виды. Если бы она всё время не думала о нем вплоть до совершеннолетия, Юй Цайлин ведь не настолько сильно и горячо любила, но бесспорно понесла потерю.

Не понимая как надолго, она погрязла в прошлом, с кружившейся головой полусонная Юй Цайлин не имела возможности двигать вялыми руками и ногами. Она лишь ощущала, как другой человек поддерживает ее, помогает сесть, подает охлажденный едкий отвар, чтобы она выпила одним глотком. Не способная делать все сразу Юй Цайлин всего лишь заметила, что ее голова стала немного яснее и попыталась открыть глаза; это действие было похоже на то, как крепко-накрепко закрытый сундук жестко и сильно взламывают через щель замка, слыша едва тягостный звук штифтов сундука.

-Проснись, проснись!

Юй Цайлин расслышала радость в голосе вздохнувшей с облегчением «хорошей тетушки» Гэши.

-Придворный врач из дворца и впрямь выдающийся, после нескольких приемов лекарства так подействовало: свекровь – какая радость, старший зять – какая радость, старшая невестка – какая радость...

В этот момент послышался ехидный голос пожилой женщины, перебивший продолжение пламенной речи Гэ-ши, произнесшей:

-Не будь на седьмом небе от счастья, эти люди будут считать, что мы что-то делали с их дочерью. Десятилетие и ни капельки заботы о ней, а мы приложили большие усилия, вырастив ребенка, и это не какая-то заслуга, а тяжелый труд. Разве ребенок не может не болеть? Только и всего, что поднялась температура на несколько дней. А вы создали переполох и сумятицу своими всех сбивающими с толку рыданиями. Настолько волнуетесь? Так сами заботьтесь лучше.

Юй Цайлин с трудом открыла глаза, увидела в комнате, рядом с нарядной женщиной где-то человек десять из прислуги, беспорядочно сидевших на коленях. Скорее всего, это ее голос звучал недавно. Присмотревшись, она увидела, что на блестящем расписанном раскладном стуле из сандала сидела, выпрямив спину, плотная, монументальная старуха, окруженная множеством слуг, одетая в длинный халат темного-лилового цвета с прямым воротом, обильно вышитым сверху узорами золотой нитью, свободно завязанный вокруг талии широким яшмовым поясом в четыре-пять пальцев толщиной, на голове, на затылке всего лишь один круглый шиньон, украшенный свисающей шпилькой. Слегка приглядевшись, заметила – эта шпилька целиком состояла из золота и была вроде палок хвороста, которыми обычно топят печку, присмотревшись еще, заметила на мочке ее уха гроздь грандиозной серьги из червонного золота и жемчужин, сильно оттягивавшую ушную раковину, поздней ночью в огнях свечей она казалась сгустком пламени, и от этого смотрелась особенно сияющей.

Смотря на это все, Юй Цайлин разозлилась и в сердцах подумала, что если ты владеешь магазином золотых изделий, почему бы тогда не взять и не вставить в ноздрю несколько подпорок из золота в виде палочек для еды или инкрустированный золотом бивень слона?!

Лицо старухи вытянутое, а выражение глаз было пренебрежительным, как будто она постоянно ощущает какую-то неудовлетворенность. Рядом сидела Гэ-ши, и стояли на коленях также от трех до пяти слуг с очень большой помпой либо державшие лакированные подносы, либо грелки для рук. Только у Гэ-ши две руки были свободны, она смотрела с тревогой на Юй Цайлин.

Девушка только сейчас заметила сбоку от своей плетеной лежанки сидевшую с прямой спиной пару – средних лет мужчину и женщину. Возвышающийся мужчина был крепко сложен, по причине того, что на лице была густая борода, выражение его лица было плохо видно, но он был одет в длинное платье на подкладе из грубого хлопка красного цвета, верхний халат темно-лилового цвета, на запястье обнаженной правой руки застёгнуты два железных в патине наруча, и весь его вид говорил, что так, как он одет, одеваются воины.

Вполне понятно, что мужчина снял шлем и латы, однако его выдавал выходящий наружу выразительный и насыщенный аромат, витающий невидимым морем крови от убитых им. Он

смотрел на Юй Цайлин напряженным взглядом, а в его глазах была заметна забота о ней. Женщина, тем не менее, все время молчала, склонив голову, непонятно было, как она выглядит, но в ее высокой фигуре были и нежность, и грациозность, и прекрасные формы.

Услышав слова старухи, все время сидевшая на коленях рядом с плачущей женщиной с опущенной головой и поддерживающая ее, другая женщина внезапно выпрямилась, были видны ее тонкие черты лица, и то, что она одета в сине-зеленое шэньи, хоть и достигнувшая рубежа средних лет она звучным и весьма звонким голосом проговорила:

-Слова пожилой госпожи шутка? Разве похоже, что четвертую молодую барышню нашей семьи, госпожа не желала растить и оставила из-за этого в семье? Я, ничтожная, не осмелюсь переступить границу, но тоже понимаю, что в прошлом четвертую молодую барышню оставили ради того, чтобы до конца выполнить и усердно исполнить волю перед вами - пожилой супругой, и если бы не трактовка предсказания шамана, возможно ли, чтобы госпожа нашей семьи пожелала бросить трехлетнее дитя?

Юй Цайлин сразу же поняла, кто эта старуха и та плачущая женщина, спешно осмотревшись по сторонам, обнаружила, что уже не находится в прежней комнате, в которой ее поселила «хорошая тетушка». Эта комната была немного меньше, отделанная очень небрежно, только настил на полу блестел лакированными деревянными досками, и покрывавшие его меховые ковры были толстыми и тяжёлыми, печь внутри согревала теплом, а на всех людях были надеты толстые носки.

На полу расставлены несколько низких маленьких квадратных топчанов, по внешнему виду немного похожих на тот вид шахматных досок на ножках, которые были в «Хикару и Го»*, были разложены замшевые подушки, кто-то сидел на них на коленях, часть на табуретах; однако большей частью люди непосредственно сидели на коленях прямо на полу.

*棋魂 qíhún - японский аниме-сериал и манга.

-А-Цин, прекрати нести вздор, - тихо всхлипывающая госпожа Сяо подняла голову, торопливо порицая, сказала повернувшись к матушке Чэн: - Прошу свекровь простить, у А-Цин такой характер, она постоянно трясется над четвертой молодой барышней.

Матушка Чэн не была склонна сложить руки и, сильно разозлившись, сказала:

-Подлая служанка, ты так спокойно осмеливаешься грубить! Эй, кто-нибудь, сюда, батогами бейте по ее ладоням...

Не успев закончив говорить, ведь откуда ей было знать, что генерал холодно перебьет ее, вымолвив:

-Что не так? Неужели в словах А-Цин есть ошибка? Изначально мы оставили Няоня только ради усердного исполнения Вашей воли, сейчас же Вы говорите, как будто мы, супруги, не согласны были воспитывать дочь, были непочтительны к родителям и осмелились просить

матушку взять на себя хлопотное дело. Ведь ради матушки я достойно исполняю сыновний долг. Хорошо бы говорить прямо об этом.

-Ши'эр, ты..! - матушке Чэн наиболее неприятными были слова «мы, супруги», она опять испугалась и пришла в ярость, думая, что ее старший сын, хоть и послушен был своей жене, все же предпочитал собственную мать, но, огрызаясь таким образом, он и в самом деле вел себя немного странно.

Юй Цайлин, испытывая один из приступов головокружения, выделила одно важное место - ее назвали «Няоняо*»?! Вполне понятно, что она является девочкой, однако назвать ее «птицы, птицы», или попенять на то, что ей не хватает чего-то, что следует ей дополнить**?

*Почему Юй Цайлин удивилась. Она не расслышала, что ее отец сказал 俏俏 - piǎopiǎo - Няоняо, в переводе "прелестная, изящная". Она подумала, что ее отец сказала 鸟鸟 - niǎo niǎo - няо няо в переводе "птицы, птицы".

**Также она могла подумать, что ее отец вообще говорил 爹爹 - diǎo diǎo - "мужской половой член" в его вульгарном звучании. Таким образом, выражая свое желание, иметь сына, а не дочь.

А-Цин повернула голову, заметила застывший взгляд Юй Цайлин и ее ослабевший внешний вид, нежным голосом вымолвила:

-Душевные силы четвертой молодой барышни несколько улучшились, так много лет она не видела матушку и отца. Так или иначе пусть выйдет вперед и последует правилам вежливости, - с этими словами подав знак стоявшим по бокам от Юй Цайлин двум служанкам.

Юй Цайлин когда-то видела, как Фу Дэн приветствовал Чжу и Фу И, но не знала есть ли здесь разница в приветствиях. Слабо приподняв обе руки, выглядев при этом былинкой, раскачивающейся вкривь и вкось. Две служанки были весьма находчивы, сразу же вышли вперед, проворно подперли Юй Цайлин руками и преклонили одно колено прямо сверху на плетеной лежанке, ее правую руку наложили на левую руку, опустили вниз рукава, закрыв руку по локоть, подняли руки ко лбу, склонили ее на кушетке, одна служанка, наклонившись, прошептала Юй Цайлин прямо в ухо: «Княжна приветствует матушку и отца», Юй Цайлин сделала все как сказали, после чего ей помогли встать, снова держась за руки, подняли их ко лбу, в конце концов она их опустила - церемония считалась завершенной.

Госпожа Сяо посмотрела на свою дочь с непростым выражением лица, только и сказав:

-Хорошо.

И теперь Юй Цайлин рассмотрела как следует лицо госпожи Сяо, и не могла не прокричать про себя - да, ладно! Пробыв в этой эпохе уже очень долгое время, она не встречала ещё настолько красивой замужней женщины. Ведь, если у них не выступали вперед зубы, то были выпученные глаза, если не было богатырского сложения, то были тощими как доски, и она не ожидала, что госпожа Сяо в жизни такая очаровательно белокожая, даже если сравнивать с

маленькими обольстительницами из окружения отца Юй, и даже лучше – и она тотчас же стала нетерпеливо ждать, когда поднимется на ноги, чтобы увидеть собственную внешность.

Из-за того, что она возможно быстро поднялась, Юй Цайлин опять почувствовала головокружение, навалившись на плечо служанки с выражением лица как бы в полузабытьи, хотя это поведение и было наполовину истинным, но наполовину притворством.

Чэн Ши увидел, что дочь худенькая и маленькая, только что разговаривала детским жалобным голосом, на лице даже после сна, еще оставались следы слез, опиралась на служанку всем телом и была ещё более крохотная от этого, вся была подобна бумажной кукле – такая же слабая и хилая. Ее милое личико было вполтину меньше его собственной большой ладони, он размышлял, прикидывая в уме, что в обычной крестьянской семье все девушки уже в тринадцать лет хотят выйти замуж, однако внешний вид собственной дочери, тем не менее, сейчас был таким жалким и хилым, что внезапно испытал сожаление, мужчина тут же во весь голос сказал:

– Я нес охрану местности и убивал врагов на чужбине, в такое тяжелое время моя жена была в состоянии смотреть за челядью и воспитывать детей. Первые трое сыновей и впоследствии родившиеся младшие сыновья все в полном порядке, единственная Няоня находилась в столице в моем собственном доме, как способна она была вырасти такой! Неужели мы не можем поинтересоваться, даже одной фразой, о произошедшем с ней?

После этих слов лицо Гэ-ши, фактически руководившей воспитанием ребенка, стало белым. Чэн Ши совершенно ясно осуждал именно ее.

В сущности Чэн Ши поистине несправедливо обидел ее, исключая в этот раз острое заболевание, действительно явившееся результатом ее собственной лени. В остальное время все отвары и еда, которыми снабжали девушку были хороши, в конце концов, пожилая госпожа Ван, находившаяся по соседству, время от времени приходившая с некоторой двусмысленностью посмотреть на «этого несчастного ребенка, не имеющего ни отца, ни матери рядом, – если ты плохо растишь ее, лучше уж отошли полководцу Чэну в его окружение» и ленивая старая матушка Чэн, на которую оставили четвертую молодую барышню и другие, как правило, безразличные к ней, сама, не заботясь о ней, все же не решилась искать какой-то коварный способ, чтобы избавиться от девушки.

Остается лишь возмущаться, что дочь от рождения миниатюрная, сиротливой внешности, но сколько бы она не ела деликатесных блюд – все без толку. Вместе с тем родившаяся тонкокостной и с детской внешностью, так что пятилетний ребенок выглядел на три года, десятилетний по внешнему виду более напоминал семилетнего, а тринадцатилетний имел вид ненасытившегося в голодный год (посторонний человек, увидев это, подумал бы – воистину какая жестокая тетушка!), однако в последние десять лет, исключая происходящее нарочное потворство баловству, зачастую принуждение и порицание, действительно не сумели ничего сделать подобными уловками.

Там в стороне, матушка Чэн, получившая выговор от своего сына, тотчас рассердилась, тут же начала бить себя в грудь от ярости, между рыданиями и завываниями во весь голос,

выговаривать:

-...и впрямь состарившиеся люди, вызывают презрение. Так долго не возвращался, а, один раз вернувшись, только постоянно и беспокоишься о меньших, мать собственную и не спросишь хорошо ли ей или плохо, а в эти несколько дней я также серьезно болела..., - одновременно разговаривая, попутно несколько раз сухо кашлянула, дабы показать правдивость, и, продолжая плакать в голос, вымолвила: - В то время, когда твой батюшка покинул мир, в то время, что вы все сказали? Желаеть чтить меня сейчас, просто не беси меня, и все будет хорошо!

Одновременно рыдая, она попутно била рукой по складному креслу, по-прежнему считая, что этого мало, она разом выпрямилась, уставившись покрасневшими глазами, и словно дикий кабан подняла вой:

-Если тебе этого всего еще недостаточно, лучше я умру, составлю компанию четвертой молодой барышне, пусть жизнь моя прекратится!

Матушка Чэн была выходцем из крестьянской семьи, вдобавок обладавшая монументальным телосложением, от того как она внезапно вставала с места, всю комнату как будто потряхивало, стоящая сбоку Ли Чжуй улучила момент, торопливо скрытно подтолкнула ладошкой Гэ-ши, Гэ-ши безотлагательно шагнула вперед, сказав:

-Свекровь, не нужно печалиться, старший зять - крупный чиновник, ныне у государя важнейшим не являются разговоры даже о малейшем служении родителям. Старший зять, как же можно быть таким непочтительным!

Чэн Ши не был в состоянии рассердиться на мать, тогда повернувшись к Гэ-ши, он сказал:

-Несколько лет назад матушка была в добром здравии, я отправлял посланника когда-то, чтобы он привез Няоня. Тогда невестка каким же образом уговорила старших написать письмо? Объяснить, что Няоня отлично живет дома, со всеми хорошо ладит, опасаясь, что именно вне усадьбы неподходящая обстановка!

В сердце Юй Цайлин царила большая радость - отлично! Чрезвычайно хорошо! У отца Чэн полное отсутствие благородных манер, и недовольство женщины не оказывало на него никакого давления.

Гэ-ши показалось, что ее разбранили так громко, будто большой колоколом звенел, что она замерла от страха, поторопившись отступить в бок. Матушка Чэн, видя создавшееся положение, издав пронзительный вопль, выдавила:

-Тебе, приехавшему ругать меня, незачем менять направление, я не позволю четвертой молодой барышне умереть! Шаман объяснил, что тогда я хоть и была здорова, однако разве можно знать нужно ли четвертой молодой барышне уезжать от меня? А если бы беда случилась? - Слова Гэ-ши подсказали ей путь и образумили ее, она торопливо сказала: - Вне

этого дома почтительность к родителям в семьях крупных чиновников, доходит до того, что ради того чтобы старые родители выздоровели, их дети режут свою кровь и плоть, здесь же заболела одна девочка, и ты перевернул все верх дном – скандалишь и обвиняешь!

Посмотрев на стоящую сбоку на коленях почтительно потупившую голову госпожу Сяо, жестоко улыбнулась:

-Не так как следует, но на этот раз выходя отсюда, вы оставите своего сына мне, так или иначе они близнецы – дракона и феникса*, оставьте того, кто в порядке – они же одинаковые. В противном случае... Ах, ты мой сын, и я сожалею, однако, твоя жена так хороша, что мне придется подать на нее в суд за непочтительность к родителям, ведь это недопустимо!

*Близнецы дракон и феникс – разнополые дети: мальчик и девочка.

Чэн Ши торопливо сказал:

-И какое это имеет отношение к ней! Мать, с какой стати ты обязательно к ней придираешься!

У госпожи Сяо голова постоянно была опущена, однако у Юй Цайлин было острое зрение, смотря под определенным углом, она увидела, как уголки рта женщины приподнялись в насмешливой улыбке, однако когда она подняла голову, весь ее внешний вид был сплошь сокрушающимся и почтительным.

Вдруг все увидели, как она склонившись в сторону матушки Чэн в почтении старшим, приветствуя руками*, склонила голову и на преклоненных коленях, печальным голосом сказала:

-Свекровь, не гневайтесь, никто не знает сына лучше его матери, неужели свекровь не знает что за характер у господина? Все эти годы, живя вне дома, господин в конце концов раздражается из-за неспособности самому ухаживать за вами – родителями, однако в своем сердце он думает хорошо, но не обязательно выскажет это словами.

*Имеется в виду малый поклон – одна рука охватывает сложенную в кулак другую.

Матушка Чэн смотря на нее с насмешкой, вымолвила:

-Где уж там мне твои навыки. Только что Ши'эр разве не говорил, насколько же ты умеешь работать, вся челядь хорошенько присматривает за твоими детьми, мне однако даже с одним маленьким ребенком не справиться. В ранние годы семьи Чэн Ши'эр всегда консультировался со мной как вести дела. Однако с тех пор, как ты вошла на задний двор, и вслед за тем, вне зависимости большое или малое дело, повсюду и всегда, когда ты открываешь рот, Ши'эр говорит – «Да-да-да, верно, правильно, одобряю, правильно, одобряю», Ши'эр всё еще хочет пользоваться вниманием своей матери?!

Слушая это ревнивое нытье, Юй Цайлин не решалась повернуть шею, но про себя она потрясла головой. Старая госпожа семьи чувствовала себя полной жизни и энергии, полагала отсрочить

свой уход, но занимающийся делами сын и невестка не давали возможности продолжать блистать в семейном доме и, получив по заслугам, теперь жалуется.

У Чэн Ши разболелась голова:

-Святой сказал - имеющийся ученик-последователь несет все тяготы труда. Молодая жена также питает любовь и преданность к старшим в семье матушки и только начинает заведовать домашними делами, чтобы матушка пользовалась благами и наслаждалась безмятежностью...

Эти слова не только были так себе, но разозлили матушку Чэн еще более:

-Святой Р*! Я буду наслаждаться безмятежностью, как только меня похоронят! Все эти младшие члены знатной фамилии, чужие жены, народ вокруг, в один голос хвастают какой ты милосердный вне дома, но не одобряют меня - старуху, заурядное знакомство ни с кем завязать не получается. Разве что матушка генерала Вана, живущая по соседству, да вот за все эти последние годы не могу сказать, что она сказала мне хоть три фразы, в тех случаях, когда навещала лично и, при этом не расхваливая твою жену, идущую впереди, как непросто заботиться о муже и обучать детей, только и допрашивала хорошо ли относятся к четвертой молодой барышне, как будто я и ее тетя желают ее съесть! На этот раз вы вне дома получили немало наград и трофеев, не говоря уж, что нет никого кто бы ни приехал и ни рассказал мне об этих слухах, пусть даже я слепая старуха!

*прим. переводчика - авторское высказывание.

В тех словах, про почитание старших, Юй Цайлин одобрила лишь одну первую фразу, что же до последних двух фраз она не представляла какой у них смысл.

Госпожа Сяо непрерывно кланялась, упав ниц, и говорила, прося прощения:

-Призываю свекровь не раздражаться, моя вина; уже поздно, вам безотлагательно следует возвратиться и отдохнуть.

Матушка Чэн проигнорировала доводы своей невестки, лишь смотря на своего сына Чэн Ши с холодной усмешкой, сказала со смехом:

-Когда я упокоюсь в гробу, только тогда вам будет хорошо. Мне все равно, на этот раз тебе вернувшись, обязательно следует преподнести твоему дяде несколько сотен даней, недопустимых при его служебном ранге, а он не щадил своих сил много лет. Еще нужно отдельно изыскать двадцать тысяч цяней* и отдать твоей тете - семья Дун хочет взять к себе молодую жену.

*□ qíán - цянь, десятая часть лян.

У Чэн Ши лопнуло всякое терпение:

-Мне уже известно, что в их дом не берут молодую жену, а собираются взять наложницей служанку! Двоюродный брат, если сравнивать со мной, все же младше на несколько лет. Но сколько ему бы ни было, ведь не ради отсутствия потомков это делается, но по-прежнему требуют так много цянэй...

Матушка Чэн, смотря на все еще стоящую на коленях на полу госпожу Сяо, подняла голову на сына, в очередной раз с ехидцей сказала:

-Все эти годы ты давал Сяо Фэну учиться. Он женился, и такая сумма была использована тобой, не моргнув глазом. Значит брат молодой жены – брат, а брат твоей матери – посторонний! Тем более это касается многочисленных наложниц, присматривающих за молодым зятем и свекром со свекровью, давая покой хозяйственной молодой жене, в отличие от посторонних... Ах, если ты по настоящему чтить и уважаешь своих родителей, также прими несколько наложниц, чтобы они прислуживали именно мне!

Чэн Ши ощутил глубоко, как мать без всякого повода сбивает его с толка, в крайнем раздражении сказал:

-Правильным решением является учиться, взять жену, однако платить за наложницу...

Госпожа Сяо внезапно повернулась кругом, мягко перебив мужа, промолвила:

-Господин, не надо разговоров, нужно сделать все в соответствии с речью свекрови. – Она повернулась спиной к матушке Чэн, Гэ-ши и всем слугам, направленный мужу взгляд сверкнул, как будто бы давая знак, матушка Чэн и другие же не видели выражения ее лица, Юй Цайлин же напротив, видела его ясно.

Чэн Ши закрыл глаза, беспомощно сложив руки в приветствии, сказал:

-Матушка сказала верно, уже поздно, матушке следует отходить ко сну.

Наблюдая за подчинившимися сыном и невесткой, матушка Чэн полностью в удовлетворенном состоянии поднялась и покинула их с не отстававшими позади ни на шаг семью-восемью слугами, и Гэ-ши вне себя от радости, напоминающая черепаху министра из дворца царя драконов Восточно-Китайского моря, поспешила ее догнать. В тайне обрадованная, худо-бедно отмечая, что о болезни четвертой молодой барышни вопрос замаяли, по-видимому, госпожа Сяо по-прежнему опасалась свекрови, не осмеливалась много спрашивать. Она сама за прошедшие несколько дней поседела от перепуга и боязни, даже держала наготове отговорку, которую не использовала. Выходя, перед самой дверью, довольно, на мгновение посмотрела на своего доверенного человека – Ли Чжуй, как бы говоря: смотри-ка, все спокойно и без происшествий.

Ли Чжуй с самодовольным видом веселилась вместе со всеми, поспешно шагнула вперед, чтобы поддержать ее под руку, однако в душе изумилась – еще лет десять назад подобные великие сражения между свекровью и ее невесткой происходили постоянно, и большей части заканчивалось тем, что госпожа Сяо, склонив голову, просила прощение, нестерпимо скандалившие Чэн Ши со своей матерью осуждали друг друга, по итогу в раздражении расходясь в разные стороны.

Однако сегодня госпожа Сяо пусть и непрерывно извинялась, однако, оценивая ее поведение, – ничуть не горячилась, даже можно сказать, что слегка небрежно проявляла интерес; а Чэн Ши еще более изумлял, в прошлом такого рода обстановка вызвала бы многочисленные упреки и скандалы, но только что произнесенные несколько фраз были правильными, сегодня, вопреки ожиданию, настолько легко все завершилось, и дело дошло до того, что отсутствовала спешка в поднятии на ноги благоговейно преклонившей колени и бьющей челом на полу госпожи Сяо. Думая, обобщая и размышляя, Ли Чжуй однако не осмеливалась болтать лишнего, она, хорошо понимая, что матушка Чэн едва ли намного больше любит ее собственную госпожу, вот только слишком испытывала отвращение к госпоже Сяо, поэтому Гэ-ши была своеобразным мостом между ними, благодаря которой кое-как можно иметь дело.

Смотря как подобно текущему потоку плавно отступали из комнаты матушка Чэн и Гэ-ши с группой людей, улыбка исчезла с лица госпожи Сяо, повернув голову, она спокойно посмотрела на Чэн Ши. Ничего не говоря. Чэн Ши, вздохнув, сел на складной стул, где недавно сидела матушка Чэн, повернув голову, посмотрел на прислоненную к служанке уже вновь уснувшую дочь, снова вздохнул.

А-Цин поднялась с места, подозвала двух служанок помочь прилечь Юй Цайлин, вдумчиво пощупала ее лоб, сама положила ее на кровать и опустила занавеску – изрядно расшитый атласный полог, а после не произнося ни звука, с помощью жестов рук отправила оставшихся служанок прочь из комнаты, заперев за ними дверь.

В таком отрезанном пространстве, внутри, Юй Цайлин лежа на боку, лицом во внутрь, старалась распределить равномерно дыхание, притворяясь спящей, закрыв глаза и сжав кулаки, так, что вспотели ладони, не зная, будут ли супруги тайно разговаривать – ей было сейчас все чрезвычайно любопытно о родителях этого тела.

В действительности же, госпожа Сяо от рождения была осторожна. Если бы не Гэ-ши, не успевшая подготовиться, а только-только торопливо начавшая готовить несколько комнат для людей, сопровождавших Чэн Ши, госпожа Сяо, не склонная соглашаться и отправлять свою дочь в помещениях Гэ-ши, ни в коем случае бы и не задержалась в комнате дочери, разговаривая с мужем.

Спустя некоторое время, А-Цин вошла в комнату, плотно затворив дверь, ведя за собой женщину. Вошедшая вежливо поклонилась, обратившись по титулу, Юй Цайлин расслышала ее, оказывается это – А-Чжу!

–А-Чжу, поднимись, – госпожа Сяо вышла вперед, поддержала ее: – Прошедшие годы были горькими для тебя, только и могла с А-И видеться и то незначительно.

А-Чжу сквозь слезы смотрела на госпожу Сяо, беззвучно плача, сказала:

–Госпожа ни капли ни изменилась, господин зато стал могущественнее, чем в прошлом.

Чэн Ши, как только-только она вошла в дверь, с широкой улыбкой развернулся, поглаживая бороду, повернув голову к жене, сказал:

-А-Чжу все же старомодна, если уж не молчит, то когда начинает говорить, говорит по возможности правдивые слова.

Как только эти слова были произнесены, у всех, начиная с Юй Цайлин, притворяющейся спящей, до невозмутимой госпожи Сяо дернулись уголки рта, А-Цин усмехнулась, прикрыв рукавом лицо.

Обменявшись несколькими любезными словами, госпожа Сяо со строгим лицом села ровно и сказала:

- Я тебя слушаю.

А-Чжу, раскланявшись с почтительным мастерством, сказала:

-В тот год я получила от госпожи приказ остаться в нашем родовом поместье. В течение нескольких лет не было никакого движения, только неясные слухи о том, что княжна имеет репутацию непослушной и глупой. В прошлом месяце, пошли слухи, что княжна, на сливовом пиру поссорилась с людьми, и я не представляю истина это или ложь. Тогда Гэ-ши наказала ее, отправив в деревенское поместье обдумывать собственные ошибки. Повинуясь приказу, присматривать за княжной должна была тетка из боковой ветви Ли Чжуй, имевшая большое пристрастие к алкоголю - бестолковая старуха, в то время, когда наступили дикие холода, младшую княжну бросили в одиночестве и запустении на долгое время в холодном и сыром кирпичном доме, без горячей пищи и горячего бульона, через несколько дней княжна заболела. Поспешно прибыв, я подкупила Ли Чжуй и заботилась о ней все это время, княжна к тому времени уже долгое время горела в лихорадке...

Чэн Ши, придя в ярость, ударил ладонью по поручням складного стула, в этот самый момент все услышали звук, как будто резные поручни треснули, проговорил:

-Эта женщина - отвратительна, нужно сказать второму брату, чтобы отослал ее!

А-Чжу, торопливо кланяясь, сказала:

-Это ошибка служанки!

Госпожа Сяо слабо махнула рукой:

-Это не касается тебя, в ожидании приказа в том поместье, это же не была ты. Зато ты незамедлительно поспешила в деревенскую усадьбу и это очень хорошо.

-А-Юэ... - А-Чжу только открыла рот, госпожа Сяо прямо сказала: - Не обязательно говорить, я понимаю в чем дело.

Юй Цайлин в глубине души онемела, слушая в настоящее время решительный и деловой тон госпожи Сяо, просто-напросто не смела поверить тому, как только что, она была той, кто склонив голову и благоговейно преклонив колени, просила прощение ласковыми речами замужней женщины, и впрямь - в тихом омуте черти водятся.

А-Цин, смотря на выражение лиц господина и госпожи, повернувшись, выразительно подмигнув, в шутку сказала А-Чжу со смехом:

-Само собой ты впервые видишь княжну, по слухам у княжны отвратительный характер, разве она уже не наказала тебя батогами?

А-Чжу со слезами на глазах тихо сказала:

-Пороть батогами? Когда? Когда я поспешила туда, княжна была на последнем издыхании. Такая жалкая и маленькая, с головы до пят горевшая как в крутом кипятке, лежащая на такой сырой холодной спальной подстилке, посланной на полу, человек, чье сознание было так спутано от высокой температуры, что даже лекарство не мог проглотить. Тогда эта служанка сильно испугалась, больше всего боясь, если с княжной случится беда, то не оправдаю доверие, возложенное на меня госпожой!

Чэн Ши посмотрел на занавес, опущенный над плетеной кроватью, вспомнил как только что увидел дочь, в такой степени немощную и слабую внешне, к тому же он тосковал по оставленным при себе четырем сыновьям, каждый из которых получился крепким подобно телятам, и глубоко сожалел о возникшей ситуации.

-Относительно же дурного нрава княжны, Чжу не осмелиться болтать лишнего. Только лишь прошу господина и госпожу подождать, пока княжна поправится, затем проверить самостоятельно, - А-Чжу гневно добавила, - в конце концов, верно ли то, что кто-то намеренно распускал слухи, все вскоре станет известно.

Фу И с супругой более десяти лет сопровождали Чэн Ши, он хорошо понимал их характер, если А-Чжу осмелилась говорить таким тоном, его дочь ни в коем случае не является такой, какой ее рисуют слухи, распространяемые вне дома.

А-Цин внимательно посмотрела на выражение лица Чэн Ши, повернувшись, сказала со смехом:

-Всё госпожа рассчитала, ещё и в усадьбе оставила человека, иначе, ой! Обязательно бы все дело испортилось. Кто бы мог предвидеть, что вторая госпожа такая жестокая!

Чэн Ши снова потемнел лицом, госпожа Сяо скользнула по нему взглядом, но медленно сказала А-Цин:

-Ничего не поделаешь, встретила неразумного человека... Столкнуться с умным человеком не боюсь, но ты же понимаешь, что умело подобранные люди не совершают глупости в твоём доме, однако попасться дураку тоже не годится.

Заговорив об этом, она с презрительной улыбкой, похоже, что ведя праздную беседу, неторопливо сказала:

-Ты разве не помнишь, как в тот год, в деревне, глава семьи Дунлюй взял в дом вторую жену? Семья первой, почившей жены, в доме не имела влияния, муж да не без того, чтобы был слепцом, откуда же было знать, что вторая жена сразу родит сына и воспользовавшись моментом, когда мужчины отправились в дозор за разбойниками, соберется и продаст единственного сына и дочь от первой жены, еще и растолковывала всем, что они потерялись где-то. Держа под контролем множество людей, она запугивала всех, я все время изумляюсь, рассказывая, как такая глупая баба могла существовать. Но в мире есть подобные дуралеи, всегда хотят, совершая злодеяния, остаться потом целыми и невредимыми.

А-Цин присоединилась, сказав:

-Впоследствии ту замужнюю женщину разоблачили, вызвав на допрос, она еще непрерывно кричала, что ныне у семьи только лишь ее дитя, и нельзя убивать его родную мать. Вот только в дальнейшем старший в роду Дунлюй принял на себя всю ответственность, в конечном счете приказал ей покончить жизнь самоубийством. Увы, остается только жалеть ее родного ребенка, не прожив и несколько дней, он умер в раннем возрасте. Вскоре семья Дунлюй выбрала молодую женщину, вошедшую в их дом, дважды родившую детей, кто-то все еще помнит ее.

Госпожа Сяо сказала:

-Мне все же жалко тех мальчика и девочку, родившихся от первого брака, даже когда зачинщик умерщвлён, что могут сделать две семьи, если у них разбито сердце, а хорошеньких золотого отрока и яшмовую деву не имеют возможности разыскать и вернуть назад, и неизвестно каким обидам подвергались они вне дома от чужих людей. - Разговор зашел в тупик: - Более того, чем мы лучше семьи Дунлюй? Предположим, что Няоня действительно бы скончалась от болезни, господин еще может ради младшей в семье убить ее тетю или так не пойдет? К тому же все еще имеется свекровь.

После сказанного взгляд госпожи Сяо сосредоточился на лице Чэн Ши, Чэн Ши молча смотрел на жену.

А-Цин смотрела то на главу семьи, то на его жену, передвигая взгляд с одного на другую, тихим голосом сказала:

-Вторая жена - глупая, думается, что в резиденции после такого порицания в конце концов не может случиться беда, однако если мы уедем, то в таком случае не можем быть уверенными в защите княжны, - подумав еще немного, помрачнела, девочка, находящаяся в резиденции, не имеет слуги, хранящей и защищавшей ее, если столкнувшись с нахальством прихлебателей, можно подвергнуться оскорблениям, то даже не известно, какие издевательства приходится скрывать, потому что оградиться от них было невозможно.

Госпожа Сяо посмотрела на хмурое и неприязненное выражение лица мужа, презрительно сказала:

-К счастью, наши семьи происходят из деревни, имущество семьи не богатое, за все эти годы в

итоге обзавелись только несколькими маленькими поместьями. Если сравнить, например, с семьями Юань или Лоу, такими незаурядными, из поколения в поколение их домашнее имущество, не имея бед, все более процветает, а их усадьбы непрерывной линией тянутся на пару-тройку уездов, мне о таком даже думать не приходится.

Чэн Ши прикрыл глаза, тяжело сказал:

-Ты несомненно понимаешь, и для меня все очевидно. А-Цин, ты иди и позови Чэн Шуня, пусть подойдет на передний двор и подождет меня.

А-Цин со счастливым выражением лица тут же торопливо ушла; А-Чжу, видя положение, тоже посчитала, что следует самой откланяться, попросила разрешение удалиться.

Кругом никого не было, госпожа Сяо медленно встав, подошла к мужу, обеими руками погладила прямые плечи Чэн Ши, ласково сказав:

-В книге не рассказывается, А-Йи несправедливо послушен* и это также непочтительность к родителям. За все эти последние годы, свекровь действительно была...

*不孝有三 無後为大 è yù qī sǒng - фраза взята из книги о сыновнем послушании. Образно говоря, есть три вида несыновнего послушания. А-Йи послушен, и это несправедливо по отношению к его родителям, так как он выполняет три несыновних послушания, а именно: это подставить неправедно родственников, что является первым видом такого послушания; вторым видом является усердная работа, чтобы быть чиновником и получать жалованье, и содержать семью; третий вид - не жениться, не иметь детей, не воскуривать фимиам предкам.

Чэн Ши закрыл одной рукой руку жены на его плече, сказав:

-Я понимаю. В прошлом семья жила в постоянной бедности, матушка не была такой, если бывало немного излишков продовольствия, она приходила на помощь неимущим соседям, пусть лицо нашей семьи было немного испорченным, но разум и прозорливость были настоящими. Напротив все эти года живя в богатстве и почете, матушка становилась все более и более жестокой и надменной, каждый раз давая материнским родственникам денег в будущем, чиновники требовали еще больше, кроме того страдая от подстрекательств, присваивали семейные пашни. Что уж говорить о дяде, я прежде не щадил своей жизни, он же находясь позади, получал деньги, вот только военные действия велись с матушкой.

В это время возвратилась А-Цин, сказав:

-Господин, Чэн Шунь уже пришел. - Чэн Ши поднявшись сказал жене: - Ты также следовала за мной весь путь, ляг пораньше отдохнуть. Через несколько дней, следуя за нами придет группа с детьми и генералом Ваном, тебе не следует утомляться. - Закончив говорить, толкнул дверь и вышел.

А-Цин, следуя за ним по пятам, спешно закрыла входную дверь, повернувшись сказала со смехом:

-Госпожа, кажется, господин уже принял окончательное решение.

Госпожа Сяо, ничего не говоря, перевела взгляд на плетеную кушетку, А-Цин поняв, сразу же легко подошла и неслышно раздвинув опущенный занавес, но только и увидела, что маленькая девочка крепко спала, ее дыхание было жарким. Выпустила из рук опущенный занавес, повернув голову, сказала:

-По-видимому, лихорадка полностью никак не отпустит ее, но заснула глубоко.

А-Цин поддержала госпожу Сяо под руку, та села на складной стул и промолвила:

-Выздоровление медленное, придворный врач объяснил, что ещё нужно принимать лекарство, только тогда окончательно наступит выздоровление.

Притворство и волнение Юй Цайлин достигло наивысшей точки, ее мать из этой жизни по сравнению с предыдущей более замечательная, ее поведение изменилось так быстро и без напряжения, за что следовало бы наградить Оскаром!

А-Цин подошла, легонько стала массировать спину госпоже, сказав:

-Господин должен быть твердо уверен. - Госпожа Сяо сказала: - Господин давно приступил к размышлениям, и только свекровь препятствует.

А-Цин сказала со вздохом:

-Пожилой господин так рано покинул этот мир, пожилой госпоже нелегко быть вдовой.

Госпожа Сяо внезапно сказала со смехом:

-Даже когда свекор был жив, неужели со свекровью было легко?

А-Цин непроизвольно расплылась в улыбке.

Госпожа Сяо сказала со смехом:

-Любящий петь и писать безалаберную музыку и стихи, показавший свою суть в игорных домах, пустив семью по пути разорения, и это в то время, когда жестокий император расстроил все правление. Почти у каждого человека не было рисовой каши для еды, кто еще мог слушать исполнение его песен? Не можете жениться на глупом человеке или колоссально богатой Чжо Вэньцзюнь*, тогда не можете и притвориться Сыма Сянжу*. Смотря беспомощно на голод и уныние вокруг, ему ничего не оставалось, как найти супругу из зажиточной крестьянской семьи. В то время когда свекор был жив, он совсем не находил слов для разговора со свекровью. Господин приобрел им новое жилье, он поспешно занял самую большую комнату в большом здании, ни на что не обращал внимание кроме как на древнюю поэзию. Ещё говорил, что ежедневно слишком часто видит старую жену, поэтому даже пищу не может проглотить.

*Сыма Сянжу (179-117 до н. э., китайский писатель и музыкант). Чжо Вэньцзюнь, его жена, которая влюбившись в него, сбежала из дома.

Вспомнив старого господина Чэна, при жизни презирающего матушку Чэн за ее внешний вид, А-Цин засмеялась:

-Старый господин неплохо относился к госпоже, при жизни всегда защищал.

-Естественно, он писал эти мелодии, и из всей семьи только лишь я их понимала. Живя несколько десятилетий вместе, с толпой сыновей и дочерей, свекровь кроме того полагала, что свекор находится в процессе обучения магическим формулам для амулетов шаманом, некогда полагала заставить его поставить лоток и предсказывать будущее, пополнив таким образом домашний бюджет.

А-Цин не могла удержаться, и смешок вырвался наружу.

Кто бы знал, почему, но госпожа Сяо не засмеялась, а со вздохом сказала:

-Впоследствии, события в мире скатились в хаос. Семья Чэн к тому же не была процветающей, и сохранилась в целости лишь благодаря управлению свекрови, имевшей возможность добывать пропитание, с детства видя как мать изнемогает под тяжестью работы, а отец до такой степени равнодушный, господин, бывший старшим сыном, мог ли не мучиться от этого?

Дослушав до этого места, Юй Цайлин со злорадством посмеивалась про себя, она сейчас понимала почему матушка Чэн была в такой большой обиде.

А-Цин тихо охнула в восхищении:

-Если бы старый господин был бы жив - было бы здорово, ни в коем случае не могло бы быть, чтобы старая госпожа помыкала вами; вас бы тоже не разлучили бы с княжной на десятилетие.

Однако госпожа Сяо почему-то вздохнула тяжело, через продолжительное время сказав:

-Если бы кого-то из двоих стариков можно было бы оставить, чтобы они наслаждались долголетием и счастьем, по правде это должна была быть свекровь.

А-Цин, опешив, сказала:

-Госпожа, вы запутались.

Почему-то, но госпожа Сяо сказала следующее:

-То, что я не нравлюсь свекрови - это одно, однако я в своем сердце уважаю ее. Подняться в горы - собирать овощи, пахать и сеять на плохой земле, возвратившись домой, пряхь, стирать и крахмалить ткани, убирать, да ещё в придачу муж и дети, которые хотят кушать, если небо соберется обрушиться в тот момент, даже если поясицу ломит, ей нужно выпрямиться и подпереть собой небесный свод, а не свекру, не державшему в руках что-то тяжелее циня и умеющего лишь играть на нем. Теперь пришло время ей насладиться благословенным покоем среди детей и внуков!

Услышав эти слова, Юй Цайлин почувствовала небольшое уважение к госпоже Сяо, считая, что хотя замужняя женщина и может строить козни в семье, но вполне возможно, что она ясно различала правду и неправду.

Спустя какое-то время госпожа Сяо снова заговорила:

-Притом свекровь, по сравнению с моей матушкой, намного лучше.

А-Цин не осмеливались критиковать родную мать госпожи семьи, пришлось ей перевести тему разговора, промолвив:

-Госпожа, как по-вашему, маленькая княжна ведь родилась лицом, похожая на вашу матушку?

На бесстрастном лице госпожи Сяо снова всплыло сложное выражение:

-Внешность хороша, да другой бы характер, ведь от этого никакой нет пользы, лучше уж походить на другую бабушку.

-В самом деле отличаются, - А-Цин торопливо сказала со смехом, - характер все равно какой пусть будет, а вот внешний вид у вашей матушки лучше.

Вспомнив матушку Чэн, пользующуюся уважением и похожую на гору мяса, госпожа Сяо засмеялась в голос.

Поглядывая на лицо госпожи Сяо, А-Цин сказала:

-По правде говоря я думаю, что раз пожилая госпожа так упорно трудилась, а господин последние десять лет пополнял материальными доходами семью, давая пожилой госпоже отдохнуть, - и вслед за тем тревожно спросила: - В таком случае господин способен быть так безжалостен с пожилой госпожой?

-Если бы господину было свойственно женское милосердие, он бы уже давно умер неизвестно сколько раз, - самоуверенно сказала госпожа Сяо.

Она подняла голову, смотря на балку в вышине, и говоря как бы сама себе, вымолвила:

-В этом мире, где уж там свекрови не справиться с невесткой, вот только если муж не согласится быть помощником.

Юй Цайлин на сей раз была потрясена хорошими философскими суждениями, она неожиданно обнаружила, что в этой жизни ее мать не только большая артистка, мерившаяся силами в семейном доме, но вопреки ожиданиям также вмещает в себя материалистическое и диалектическое мышление философа!

С другой стороны, почему она постоянно наталкивается на настолько сильную мать? Предки так опозорились когда-то, что последующим поколениям очень трудно справляться. Она

чувствовала, что прежде необходимо установить цель, которую ей легче достичь, может вновь пройти реинкарнацию?

<http://tl.rulate.ru/book/77281/2598884>